

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-104–113

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ НА ПОЗДНЕМ БОСПОРЕ: ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

И.А. Астахов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия*
astaha1@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются находки защитного вооружения с территории Боспорского царства, относящиеся к сер. III – первая четв. VI в. н.э., дающие возможность реконструкции облика боспорского воина. Автор рассматривает шлемы, представленные в боспорских находках типом Spanghelhelm и иными подобными каркасными вариантами. О видах доспеха свидетельствуют найденные фрагменты чешуйчатых, комбинированных, пластинчатых и ламеллярных панцирей. Особую группу составляют фрагменты кольчужного полотна, которые доминируют среди всех видов нагрудной защиты. Автор считает, что кольчуга была наиболее популярным видом нагрудной защиты знатных позднеантичных боспорских воинов. В то же время, большая часть позднебоспорской армии вообще не носила нагрудной защиты, либо использовала кожаные панцири. Важным элементом защитного вооружения позднеантичного воина на Боспоре являлся щит, представленный находками умбонов и ручек. Умбоны из боспорских находок типологически относятся к готским, что говорит о сильном готском влиянии на позднебоспорское военное дело. Таким образом, комплекс защитного вооружения элитного позднеантичного боспорского воина представляет собой симбиоз сармато-аланского и готского снаряжения, образуя гото-аланский комплекс. Такое защитное вооружение доминирует на Боспоре с середины III в. н.э. Начиная с середины V в. н.э. в комплексе начинают проследиваться гуннские и тюркские черты, что было следствием массовых миграций кочевников в регион Северного Причерноморья. Основная масса армии либо не имела защитного вооружения вообще, либо носила снаряжение из кожи.

Ключевые слова: поздняя античность, Боспор, военное дело, защитное вооружение, готы, кочевники

Период поздней античности на Боспоре (сер. III – первая четверть VI в. н.э.) характеризуется усилением варварского влияния на боспорское военное дело, нашедшее отражение, в частности, в защитном снаряжении местного воина. По-

Данные об авторе: Астахов Иван Алексеевич – аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90039.

следнее же выступает индикатором не только этнического состава боспорской армии, но и социальной структуры общества.

При анализе защитного вооружения позднебоспорской армии основными источниками служат археологические находки фрагментов защитного вооружения, а также посвященные рельефы и фрески, на которых изображены боспорские воины. Например, посвященный рельеф Трифона, сына Андромена, из Танаиса¹ конца II – первой половиной III в. н.э. демонстрирует как выглядел знатный боспорский всадник накануне рейдов варваров в начале и второй половине III в. н.э. Всадник изображен в полусферическом шлеме, без деталей каркасной конструкции, хотя те могли быть просто не изображены на рельефе. Между тем в в позднеантичный период доминируют именно каркасные шлемы конической и полусферической формы – как в варварской среде, так и римской армии. Подобные шлемы могли иметь/не иметь нащечники, сходящиеся под подбородком, а также кольчужную или чешуйчатую бармицу, защищавшую затылок и шею. Различные варианты подобных шлемов, как правило, относятся к типу Spangelhelm². М.И. Ростовцев считал, что шлемы подобного типа были заимствованы боспорянами у сарматов³.

Находки конических каркасных шлемов представлены в воинских погребениях у хут. Городского в Прикубанье⁴. Данный могильник датируется кон. II – первой пол. III в. н.э. В шести погребениях присутствуют шлемы двух видов: 1) из склепанных друг с другом внахлест треугольных пластин; 2) каркасные, нижняя часть тульи которых также дополнена пластинами⁵. Первый вид можно считать одним из ранних вариантов шлемов типа Spangelhelm, получившего особенное распространение в позднеантичный и раннесредневековый периоды. Второй представляет оригинальную конструкцию, однако имеет общие черты со шлемом, изображенным на граффити из Дура-Европос. Именно это сходство дало М.И. Ростовцеву и А.М. Хазанову возможность предположить существование у сарматов, и в том числе на Боспоре, каркасных шлемов.⁶ Следует отметить, что шлем из погр. 6 дополнен бармицей из маленьких чешуек⁷.

К шлемам полусферического типа относится единственный известный на данный момент экземпляр из сарматского погребения у ст. Тбилисская (Краснодарский край). Конструкция шлема представляет три перекрещивающиеся бронзовые пластины, закрепленные в центре заклепкой и усиленные переплетенными между собой восемнадцатью раздвоенными пластинами. В нижней части шлема имеется горизонтальный обруч, состоящий из трех полос разной длины, к которому крепятся каркасные пластины. Шлем датируется не позднее первой половины III в. н.э.⁸ Данные шлемы, хотя и не происходят непосредственно с территории Боспорского царства, несомненно, выступают прототипом снаряжения боспорских воинов в конце III в. н.э.

¹ Ростовцев 1914, табл. LXXXIV, 3.

² Виноградов Горончаровский 2009, 194.

³ Ростовцев 1914, 329–332

⁴ Сазонов 1992, 244.

⁵ Сазонов 1992, 248–249; Кожухов 1999, 165–166.

⁶ Ростовцев 1914, 329; Хазанов 1971, 61–62.

⁷ Симоненко 2015, 220.

⁸ Ждановский 1984, 78–82.

Комплекс вооружения из открытого Ю.А. Кулаковским в 1891 г. катакомбного погребения на ул. Госпитальной в Керчи включал два кинжала, около двух десятков наконечников стрел, два железных меча, железный наконечник копья, большое количество различных деталей от доспехов, а также два шлема. Ю.А. Кулаковский датировал данное захоронение не позже II в. н.э., В. Арндт – VI в. н.э.⁹, Г.В. Кубарев и Д.В. Журавлев – второй половиной VI–началом VII вв. н.э.¹⁰. М.М. Казанский предлагает более широкую датировку – от второй половины V до VII вв. н.э.¹¹. Предположительно, защитное вооружение, подобное открытому в данном комплексе, доминировало в Северном Причерноморье в V–VII вв. н.э.

Первый шлем представляет собой 50 скрепленных между собой фигурных пластин, одна половина из которых направлена влево, вторая – вправо. Он вытянут, имеет полусферическую форму, дополнен массивным шишаком, налобной пластиной (которая не сохранилась), прикипевшей и загнувшейся внутрь железной бармицей¹².

Второй шлем с опорными вертикальными лентами каркаса состоял из нескольких фрагментов; имел нащечники, небольшое навершие и наносник¹³. Данный вариант, по классификации М. Фогга – Spangen-Lamellenhelme, следует отнести к шлемам ламеллярной конструкции¹⁴.

Шлем с Ильичевского городища, основная масса находок из которого датируется не позднее третьей четверти VI в. н.э., является ламеллярным полусферическим, с шишаком и прямоугольной горизонтальной пластиной в лобной части, переходящей в наносник¹⁵, по конструкции напоминает первый шлем из раскопок Ю.А. Кулаковского.

Возвращаясь к рельефу Трифона из Танаиса, обратим внимание на панцирь, в который облачен всадник. Он представляет собой длинный чешуйчатый доспех до колена, с рукавами по локоть¹⁶. Подобный доспех был очень распространен в тяжеловооруженной коннице кочевников. Он часто фигурирует на боспорских рельефах и фресках: например, на изображении катафрактария из Илурата¹⁷, надгробиях Юлия Патия второй половины I – начала II в.¹⁸ и Афения, сына Мены¹⁹. Длинные панцири из крупных пластин, без воротника, изображены на фреске из пантикапейского склепа 1841 г.²⁰ Все эти чешуйчатые панцири можно разделить на два типа: с разрезом внизу и без разреза.

В сармато-аланских погребениях Северного Причерноморья часто встречаются фрагменты чешуйчатых и комбинированных панцирей: например, в курганах 2, 8, 17, 19 и 20 могильника у ст. Казанской, кург. 40 могильника между ст. Казанской и Тифлисской, кург. 26 и 28 могильника у ст. Ладожской. Все фрагмен-

⁹ Arndt 1932, 53–54.

¹⁰ Кубарев, Журавлев 2012, 145.

¹¹ Казанский 2019, 205.

¹² Кубарев, Журавлев 2012, 143, рис. 3.

¹³ Казанский 2019, рис. 3, 4.

¹⁴ Vogt 2006, 105, 106, 297; Казанский 2019, 205.

¹⁵ Николаева 1986, 185, рис. 1, 6.

¹⁶ Ростовцев 1914, табл. LXXXIV, 3.

¹⁷ Горончаровский, Никоноров 1987, 201.

¹⁸ Десятчиков 1972, 74.

¹⁹ Десятчиков 1972, 71.

²⁰ Ростовцев 1914, 375, табл. LXXXVIII, 2.

ты представляют аналогичный комплект пластин, состоящий из мелких чешуек с треугольным нижним краем и полусферической выпуклостью; более крупных прямоугольных чешуек; прямоугольных пластин с шестью заклепками, на верхний край которых заходит нижний ряд мелких чешуек; узких дуговидных пластин с вертикальным бортиком; кольчужного плетения. Не вызывает сомнения то, что подобные фрагменты являлись частью конструкции типового панциря²¹.

Комплекс вооружения из упомянутых раскопок М.Ю. Кулаковского помимо двух шлемов, содержит большое количество панцирных пластин, наплечников и других деталей панцирного доспеха. Фрагменты, как и само погребение, датируется второй половиной V–VII вв. н.э. Наиболее полное описание данных находок представлено Г.В. Кубаревым и Д.В. Журавлевым²², которые разделяют детали панциря на семь типов. В основе типологии лежит форма, размер фрагментов, а также количество отверстий в пластине. Все пластины соединяются между собой внахлест, размещаясь друг над другом на 0,6–0,9 см., что, при общей ширине каждой пластины максимально в 2,3 см, является очень плотным скреплением. Ряды пластин всех типов имеют по периметру окантовку из кожи шириной до 0,7 см. Внутренняя сторона ряда пластин всех типов была усилена двумя кожаными полосками шириной 1,6–1,8 см. Эти полосы были наложены на парные боковые отверстия и служили для более плотного скрепления, а также для того, чтобы кожаные ремешки, скрепляющие пластины, не перетирались. Подобная система крепления использовалась для пластин всех типов²³. Исследователи отмечают, что при реконструкции данного доспеха им удалось склеить две целые детали панциря из пластин второго типа: деталь длиной 15,7 см из 15 пластин и деталь длиной 21 см, также из 15 пластин. Из пластин первого типа были склеены две загибающиеся полосы длиной 22–23 см, однако на момент публикации их реставрация не была завершена²⁴.

Кольчуга, по причине дороговизны, несомненно, использовалась только представителями аристократии или зажиточными воинами. Однако как предмет снаряжения, особенно, конного воина она была очень эффективна, что обеспечивало несколько факторов: во-первых, легкость; во-вторых, относительная прочность; в-третьих, гибкость и подвижность доспеха. Наиболее полные кольчужные доспехи были обнаружены в погребении могильника у хут. Городского. Эти доспехи представляют собой кольчужные рубахи длиной не менее 1,1 м. с разрезом внизу²⁵.

В степных курганах Северного Причерноморья повсеместно встречаются отдельные кольчужные фрагменты: например, в кург. 51 могильника ст. Тифлисская; кург. 44 могильника между ст. Казанской и ст. Тифлисской и т.д. Все кольчуги из сарматских погребений датируются не ранее I–II вв. н.э.²⁶ Вероятнее всего, кольчужные рубахи, найденные у хут. Городского, а также другие кольчужные фрагменты из сарматских погребений степей Северного Причерноморья, были

²¹ Симоненко 2015, 131.

²² Кубарев, Журавлев 2012, 136–141.

²³ Кубарев, Журавлев 2012, 139.

²⁴ Кубарев, Журавлев 2012, 141.

²⁵ Сазонов 1992, 244.

²⁶ Савченко 1994, 93.

изготовлены на Боспоре местными кузнецами, о чем говорят многочисленные находки кусков кольчужного полотна, например, в Пантикапее²⁷, Фанагории²⁸, Горгииппии²⁹. Кольчуга также встречается на территории крупных боспорских пограничных центров и крепостей. Фрагмент кольчужного полотна происходит также из раскопок склепа № 7 некрополя городища Белинское, датированного концом II – началом IV вв. н.э.³⁰

Ламеллярные доспехи изредка встречаются в погребениях кочевников Северного Причерноморья. В кург. 15 у ст. Тифлисской был обнаружен ламеллярный панцирь, состоящий из прямоугольных пластин с закругленным и слегка загнутым краем³¹. Из коллекции графа Уварова в ГИМ происходит терракота, найденная в Керчи и датированная первыми веками н.э., представляющая всадника в ламеллярном доспехе. В Римской империи данный вид доспеха не пользовался популярностью, однако он был крайне распространен в Средней и Центральной Азии. Возможно, под влиянием кочевников из восточных регионов данный доспех получил распространение и на Боспоре.

Около 70% погребений, в которых найден металлический доспех, имели разнообразный богатый инвентарь, в состав которого входили изделия из драгоценных металлов и камней, дорогая импортная серебряная, бронзовая и стеклянная посуда; сами панцири иногда плакированы золотом. Таким образом, металлический доспех был доступен лишь зажиточным слоям населения³².

Разумеется, металлический доспех не может обеспечить такой подвижности и легкости, как кожаный. Вероятно, большая часть боспорской армии вообще и конницы в частности не носила никаких доспехов или носила кожаные рубахи, которые крайне редко сохраняются в погребениях. По-видимому, это относится к основной массе конницы, а также воинам городского ополчения и легкой пехоты, у которой не имелось средств для покупки дорогих доспехов. Для конницы отсутствие тяжелых доспехов дает подвижность на поле боя. Примером может служить битва при Каррах 53 г. до н.э. По сообщению Плутарха, в парфянском войске было до 10 тысяч легковооруженных конных лучников и около тысячи тяжеловооруженных катафрактариев (Plut. Crassus. 20). Кожаные доспехи в римское время были широко распространены у разных народов. Страбон, говоря о сарматах, отмечает, что «они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи» (Strab. VII. 3).

Исключительно редкую находку кожаного доспеха составляют парфянские или персидские ламеллярные набедренники из пластин сыромятной кожи из Дура-Европос, датированные III в. н.э.³³ Даже при отсутствии массовых археологических находок кожаных доспехов можно предполагать, что те были повсеместно распространены в среде рядовых воинов³⁴.

²⁷ Блаватский 1962, 27.

²⁸ Ростовцев 2002, 271.

²⁹ Виноградов, Горончаровский 2009, 201.

³⁰ См. отчет об археологической экспедиции на Белинском городище за 2006 г. Архив НАН Украины.

³¹ Ждановский 1984, 91.

³² Симоненко 2015, 150.

³³ Robinson 1975, 457–458.

³⁴ Хазанов 1971, 58.

Для ударной силы – катафракты тяжелый металлический доспех был необходим, в то время как для конного лучника, не вступавшего в интенсивную фазу боя, отсутствие доспеха не играет особой роли.

Особенного внимания требуют редкие находки щитов и их фрагментов – умбонов и ручек. На территории Боспора, Крыма и Северного Причерноморья в целом готские умбоны и другие фрагменты щитов встречаются повсеместно.

В кург. 17 могильника Курчи найдены железный умбон и ручка от щита. Умбон с полусферическим приостренным шипом, сужающейся калоттой и плоским рантом принадлежит типу Кожень³⁵ или Цилинг К2, датируемому фазой С2 европейской хронологии римского времени, что соответствует второй половине III в. н.э. (260–290 гг.). Эта датировка согласуется со временем функционирования могильника Курчи.³⁶ В склепе 19/7 некрополя Сиреневая бухта (Восточное Приазовье) обнаружен умбон, также относящийся к типу Цилинг К2³⁷.

Несколько железных умбонов происходит из позднеаланских могильников Предгорного Крыма Озерное III и Бельбек I. В умбоне из Озерного сочетаются признаки типов Цилинг К1 (наклонный рант) и К2 (сужающаяся калотта). Возможно, что это несколько деформированный экземпляр типа К1. Такие умбоны датируются фазой С3 европейской хронологии (310–350 гг.), что хорошо согласуется с датой могилы³⁸.

Бронзовый умбон, схожий с типом Цилинг D1 или Ян 7a-b, найден в могиле 152 могильника Нейзац³⁹. В Центральной Европе и Скандинавии такие умбоны датируются фазами В2a – С1a (180–260 гг. н.э.). И.Н. Храпунов датирует его временем до середины III в. н.э.⁴⁰ В могиле 306 того же некрополя встречены рукоять щита и железный умбон типа Ян 7a.⁴¹

Таким образом, боспорский воин периода поздней античности сочетал в своем защитном вооружении элементы сармато-аланского и готского снаряжения. А.В. Симоненко выделяет такое смешение разноэтничного вооружения в отдельный гото-аланский комплекс, присущий населению Северного Причерноморья начиная со второй половины III в. н.э.⁴² Представляется, что данный комплекс доминировал на всей территории Боспорского царства. Причиной тому могут служить массовые миграции через Боспор кочевых алано-сарматских и готских племен, к концу III в. н.э. составлявших основу боспорской армии. Начиная с середины V в. н.э. в вооружении, найденном в Северном Причерноморье, прослеживаются черты гуннского и тюркского влияния, что также обусловлено массовыми миграциями номадов в регион.

Комплекс защитного вооружения знатного боспорского воина периода поздней античности, по нашему мнению, включал в себя, во-первых, различные варианты шлемов типа Schrapenhelm или иные подобные каркасные шлемы. Во-вторых, кольчужные либо чешуйчатые панцири, нисходящие до колена, с длинными ру-

³⁵ Каргопольцев, Бажан 1992, 116.

³⁶ Фокеев 1986, 160.

³⁷ Масленников 1997, 20; Рябцева, Болгов 2010, 21.

³⁸ Симоненко 2015, 226.

³⁹ Храпунов 2004, 189–190.

⁴⁰ Храпунов 2011, 33.

⁴¹ Храпунов 2011, 32.

⁴² Симоненко 2015, 319.

кавами или без таковых, с разрезом внизу и без разреза. По-видимому, кольчуга получила большее распространение в воинской среде по причине ее гибкости, легкости и дешевизны по сравнению с ламеллярными панцирями. Повсеместные находки кольчужного полотна на территории Боспорского царства свидетельствуют в эту пользу. В-третьих, готские умбоны щитов, массово распространенные на территории Северного Причерноморья, свидетельствуют о распространении видов щитов, которые использовали боспорские воины, и отражают степень влияния и вовлеченности готского военного контингента в военные структуры Боспорского царства.

Рядовые воины могли либо иметь кожаное защитное вооружение, либо вообще его не иметь. Это вполне вписывается в повсеместную в период поздней античности тенденцию по отказу от тяжелого защитного снаряжения, отмеченную в римских войсках этого времени (Veg. Ep. I. 20; Amm. Marc. XVI. 11. 9, XX. 1. 3, XXIV. 2. 8).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский, В.Д. 1962: Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. *Пантикапей*. М.–Л., 6–85. (МИА 103).
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2009: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. СПб.
- Горончаровский, В.А., Никоноров, В.П. 1987: Илуратский катафрактарий (из истории античной тяжелой кавалерии). *ВДИ* 1, 201–213.
- Десятчиков, Ю.М. 1972: Катафрактарий на надгробии Афения. *СА* 4, 68–77.
- Ждановский, А.М. 1984: Подкуранные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н.э. В кн.: Н.И. Кирей (ред.), *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар, 72–99.
- Казанский, М.М. 2019: О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация. *БИ* 38, 205–225.
- Каргопольцев, С.Ю., Бажан, И.А. 1992: Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации). *ПАВ* 2, 113–126.
- Кожухов, С.П. 1999: Закубанские катафрактарии. В сб.: Л.М. Носкова, Т.К. Мкртычев (ред.), *Материальная культура Востока*. М., 159–182.
- Кубарев, Г.В., Журавлев, Д.В. 2012: Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского). *Вестник Новосибирского государственного университета* 5, 135–146.
- Масленников, А.А. 1997: *Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора*. М.
- Николаева, Э.А. 1986: Находки оружия на Ильичевском городище. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 183–187.
- Ростовцев, М.И. 1914: *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб.
- Ростовцев, М.И. 2002: *Эллинизм и иранство на юге России*. М.
- Рябцева, М.Л., Болгов, Н.Н. 2010: Готские «Федераты» Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре. *Научные ведомости БелГУ* 1 (72), 19–26.
- Сазонов, А.А. 1992: Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. В сб.: Д.Х. Мекулов (ред.), *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 244–274.
- Савченко, Е.И. 1994: Комплексы сарматского времени у ст. Калининской. *Боспорский сборник* 5, 87–107.

- Симоненко, А.В. 2015: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев.
- Фокеев, М.М. 1986: Типы сарматских могильников в Буджакской степи. В кн.: *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 157–161.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследования могильника Нейзац. *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–113.
- Arendt, W. 1932: Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch. *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. Gesamtfolge* 13, 49–55.
- Khrapunov, I.N. 2004: A new account on the contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials on the excavations of the cemetery of Neyzats in 2001). *Monumenta Studia Gothica* IV, 185–197.
- Robinson, H.R. 1971: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Vogt, M. 2006: *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz.

REFERENCES

- Arendt, W. 1932: Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch. *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. Gesamtfolge* 13, 49–55.
- Blavatskiy, V.D. 1962: Otchet o raskopkakh Pantikapeya v 1945–1949, 1952 i 1953 gg. [Report on the excavation at Panticapaeum in 1945–1949, 1952, and 1953.]. In: *Panticapaeum*. Moscow–Leningrad, 6–85. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]* 103).
- Desyatchikov, Y.M. 1972: Katafraktariy na nadgrobii Afeniya [Cataphract on the tombstone of Afenios]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 68–77.
- Fokeyev, M.M. 1986: Tipy sarmatskikh mogil'nikov v Budzhakskoy stepi [Types of Sarmatian burial grounds in the Budzhak steppe]. In: *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Archaeological Studies of the Northwest Black Sea Region]*. Kiev, 157–161.
- Goroncharovskiy, V.A., Nikonorov, V.P. 1987: Iluratskiy katafraktariy (iz istorii antichnoy tyazhelyo kavalerii) [Iluraton cataphract (from the history of ancient heavy cavalry)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 201–213.
- Vinogradov, Y.A., Goroncharovskiy, V.A. 2009: *Voennaya istoriya i voennoye delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.) [Military history and military affairs of the Cimmerian Bosphorus (the 6th century BC to the mid-3rd century AD)]*. Saint Petersburg.
- Zhdanovskiy, A.M. 1984: Podkurgannyye katakomby Srednego Prikuban'ya pervykh vekov n.e. [Burial ground catacombs of the Middle Kuban of the first centuries AD.]. In: N.I. Kirey (ed.), *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnogo Kavkaza [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]*. Krasnodar, 72–99.
- Kargopoltsev, S.Y., Bazhan, I.A. 1992: Umbony shchitov i boyevyye topory rimskogo vremeni (k voprosu o khronologii i istoricheskoy interpretatsii) [Shield bosses and battle axes of the Roman time (on the issue of chronology and historical interpretation)]. *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik [Petersburg Archaeological Bulletin]* 2, 113–126.
- Kazanskiy, M.M. 2019: O shlemakh Bospora Kimmeriyskogo rannevizantiyskogo vremeni: traditsiya ili innovatsiya [On the helmets of the Cimmerian Bosphorus of the early Byzantine time: tradition or innovation]. *Bosporuskiye issledovaniya [Bosporus Studies]* 38, 205–225.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voyennogo dela sarmatov [Essays on the military affairs of the Sarmatians]*. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 2004: A new account on the contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials on the excavations of the cemetery of Neyzats in 2001). *Monumenta Studia Gothica* IV, 185–197.

- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotoryye itogi issledovaniya mogil'nika Neyzats [Some results of the study of the Neisats burial ground]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats [Investigations of the Neisats burial ground]*. Simferopol, 13–113.
- Kozhukhov, S.P. 1999: Zakubanskiye katafraktarii [Trans-Kuban cataphracts]. In: L.M. Noskova, T.K. Mkrtychev (eds.), *Material'naya kul'tura Vostoka [The material culture of the Orient]*, 159–182.
- Kubarev, G.V., Zhuravlev, D.V. 2012: Dospekh iz katakombnogo pogrebeniya s Gospital'noy ulitsy goroda Kerchi (iz raskopok 1891 goda professora Yu.A. Kulakovskogo) [An armor from the catacomb burial at the Hospital Street in Kerch (1981 excavations by Professor Y.A. Kulakovsky)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]* 5, 135–146.
- Maslennikov, A.A. 1997: *Semeynyye sklepy sel'skogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora [Family crypts of the rural population of the Late Antique Bosphorus]*. Moscow.
- Nikolaeva, E.A. 1986: Nakhodki oruzhiya na Il'ichevskom gorodishche [Finds of weapons in the Ilyich Settlement]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury [Problems of the Ancient Culture]*. Moscow, 183–187.
- Robinson, H.R. 1971: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Rostovtsev, M.I. 1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii [Antique decorative painting in the Southern Russia]*. Saint Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 2002: *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii [Hellenism and Iranism in the Southern Russia]*. Moscow.
- Ryabtseva, M.L., Bolgov, N.N. 2010: Gotskiye "Federaty" Bospora i goty-federaty Vizantii na Bospore [Gothic "Foederati" of the Bosphorus and Goth-foederati of the Byzantine Empire on the Bosphorus.]. *Nauchnyye vedomosti BelGU [Scientific Reports of BelSU]* 1 (72), 19–26.
- Savchenko, E.I. 1994: Kompleksy sarmatskogo vremeni u st. Kalininskoy [Complexes of Sarmatian time at the village of Kalininskaya]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection]* 5, 87–107.
- Sazonov, A.A. 1992: Mogil'nik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [Burial ground of the first centuries AD near the Gorodskoy farm]. In: D.H. Mekulov (ed.), *Voprosy arkhologii Adygei [Issues of Adygea Archaeology]*, 244–274.
- Simonenko, A.V. 2015: *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region]*. Kiev.
- Vogt, M. 2006: *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz.

THE LATE BOSPORAN DEFENSIVE WEAPONS

Ivan A. Astakhov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
astaha1@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the defensive weapons found on the territory of the Bosporan Kingdom and related to the mid-3rd to the first quarter of the 6th century AD). The author also attempts to reconstruct the image of the Late Bosporan warrior. First of all, the author observes the helmets that are represented on the Bosphorus by the Spangenhelm type or other similar frame helmets. Among the types of body protection, the author notes fragments of scaly, combined, lamellar and lamellar shells. A special group includes fragments of chain mail that predominate over all discovered types of breast protection. The point of view is put forward that chain mail was the most popular type of breast protection of noble Late Bosporan warriors. At

the same time, most of the Late Bosporan army either did not wear breast protection at all, or used leather armor. An important element of the defensive armament of the late antique warrior on the Bosphorus was the shield, represented by the finds of bosses (umbos) and pens. The bosses found on the Bosphorus are of typologically Goth type, which indicates a strong Goth influence on the Late Bosporan military affairs. Thus, the complex of defensive weapons of the Bosporan military elite is a symbiosis of the Sarmatian-Alan and Goth equipment, forming the Goth-Alan complex. Such defensive weapons have dominated in the Bosphorus since the mid-3rd century AD. Starting from the mid-5th century AD, Hunnic and Turkic features begin to be traced in the complex, which was the result of mass migrations of nomads to the Northern Black Sea Region. The bulk of the army either had no defensive weapons at all, or wore leather equipment.

Keywords: Late Bosphorus, military affairs, defensive weapons, Goths, nomads
